

СЛОВО В ГРАММАТИКЕ

Мистер Твистер, лёгкий на подъём американец, решил навестить своего друга в Москве. Уже в России, в гостиничном номере, он пишет записку другу. Переводчик опаздывает, но есть толстый англо-русский словарь, а в словаре — более ста тысяч слов (не всякий говорящий по-русски с детства столько слов знает!). Приятель получает записку:

Я ты приходишь рано утро. Что это может значить? Я приду к тебе рано утром? Ты приходи ко мне рано утром? Я рано утром приходил к тебе (но не застал)? Приходить ко мне утром — (слишком) рано?

Значение каждого слова понятно, а общий смысл сообщения — нет. А вот совсем другой случай, рассказ Людмилы Петрушевской «Пуськи бятые»:

«Сяпала Калуша с калушатами по напушке. Увазила бутявку, и волит:

— Калушата! Калушаточки! Бутявка!

Калушата присяпали и бутявку стрямкали. И подудонились.

А Калуша волит:

— Оеё! Оеё! Бутявка-то некузявая!

Калушата бутявку вычучили.

Бутявка вздрезнула, сопритюкнулась и усяпала с напушки.

А Калуша волит калушатам:

— Не трямкайте бутявок, бутявки дюбые и зюмо-зюмо некузявые. От бутявок дудонятся.

А бутявка волит за напушкой:

— Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо непалывые! Пуськи бятые!»

Здесь ни одного русского слова, кроме служебных. Что, собственно, происходит и с кем — неизвестно. Однако кое-что можно понять. Ясна последовательность событий, кто какое действие совершает и какое свойство к кому относится. Не сложно сделать грамматический разбор: *Калуша* — существительное женского рода 1-го склонения, употреблено в форме единственного числа именительного падежа; *подудонились* — глагол совершенного вида, 2-го спряжения в форме изъявительного наклонения, прошедшего времени, множественного числа 3-го лица. И члены предложений легко выделить.

Получается, что в чём-то все эти «*пуськи бятые*» понятнее, чем *Я ты приходишь рано утро* мистера Твистера, составленное из нормальных русских слов! В первом случае не текст, а засохший гербарий: названы предметы, действия, признаки, но ничего не происходит. В другом — масса событий, целый рассказ, но все — участники, действия, свойства — играют свою роль инкогнито, так как корни слов придуманные, несуществующие. А ожил этот спектакль благодаря тому, что показатели грамматических форм (окончания, суффиксы) — русские, знакомые и слова в предложении связаны правильно.

Итак, ни лексика без грамматики (как в записке мистера Твистера), ни грамматика без лексики (как в рассказе о «пуськах»), полноценного текста не даёт. Слова в языке существуют как бы в одном измерении (лексическом), а их роли в предложении — в другом (грамматическом). И только вместе лексическое и грамматическое начала создают действительно осмысленный текст.

Это значит, что говорящий должен не только мгновенно находить нужные слова, но и

выбирать для каждого слова одну-единственную правильную форму из всех имеющихся в языке. Поразительно, как человеку вообще удаётся говорить, да ещё с такой скоростью и легкостью! Причём во время речи он думает о том, что хочет объяснить и как к его словам отнесутся собеседники, а вовсе не о лице глагола и не о падеже прилагательного!

Чтобы это было возможным, грамматический строй языка должен быть в достаточной мере строгим и логичным. Строй этот изучает наука, которая тоже называется *грамматикой*. Она состоит из двух больших частей: *морфологии*, которая описывает формы изменения слов, и *синтаксиса*, предмет которого — связи между словами в предложении.

< ... >

ЧАСТИ РЕЧИ: МИФЫ И СУРОВАЯ ПРАВДА

Дом — существительное, *высокий* — прилагательное, *стоит* — глагол, *недалеко* — наречие. Не нужно глубоких познаний в лингвистике, чтобы определить, к какой части речи принадлежит слово. И все же попробуем задуматься: а откуда мы знаем, что *дом* — существительное, а *стоит* — глагол? Вопрос надо задать, ответит любой школьник. «Что?» — *дом*; «что делает?» — *стоит*. Допустим. Но откуда мы знаем, какой именно вопрос нужно задать? Никто никогда не спросит: «что?» — *белый*, или «как?» — *стена*. Похоже, что мы с самого начала знаем, к какой части речи относится данное слово и вопрос под это знание подгоняем.

Может быть, подсказкой служит значение слова? В школе учат, что существительное обозначает предмет, прилагательное — признак, глагол — действие. Вот мы и рассуждаем: *дом* — это предмет, значит существительное, *высокий* — признак, значит прилагательное. И слово *бег* тоже называет предмет? И *белизна* — предмет? Как-то не верится. Почему *дом* и *вечер* предметы, а *домой* и *вечером* — признаки действия? По смыслу *совершить осмотр* и *осмотреть* — одно и то же, но в одном случае слово обозначает предмет (*осмотр*), а в другом — действие (*осмотреть*)? Да и как быть с нашими «*путьками батыми*»? Ведь в этом случае было абсолютно неоткуда узнать, какое слово называет предмет, а какое признак — все они непонятны. Между тем части речи легко определились. Единственное, за что можно было «зацепиться», — окончания. *Батые* — такое же окончание, как в словах *молодые, золотые, родные*, а значит, та же система форм, та же парадигма. То есть *батые* для нас прилагательное именно потому, что прилагательными являются *молодые, золотые* и еще множество известных нам слов с таким же набором окончаний.

Вот каков, оказывается, механизм, позволяющий нам определить, к какой части речи принадлежит слово. Слышим — *дом*. Вспоминаем, что это — одна из форм парадигмы *дом — дома — дому — дом — домам — (о) доме — дома — домов — домам — дома — домами — (о) домах*. Парадигма включает формы шести падежей и двух чисел, а слова, которые так изменяются, мы и называем существительными. После этого можно уже и вопрос задавать, и о значении рассуждать — часть речи известна. Она определена на основании строгого, проверяемого критерия — парадигмы. Прилагательные — это слова, парадигма которых включает формы трёх родов, двух чисел и шести падежей. Числительные — слова, парадигма которых состоит только из падежных форм, больше они никак не изменяются. Глаголы — слова, имеющие формы вида, наклонения, времени, лица и числа, а в прошедшем времени — ещё и рода. Наречия — слова, которые не

изменяются.

Слова с одним и тем же набором словоформ и образуют *часть речи*. Миф о том, что принадлежность слова к части речи зависит от его значения или что она может быть определена по вопросу, уходит корнями в глубокую древность, к временам первых античных грамматик. В своё время по их образцу были созданы первые русские грамматики, затем этот миф попал в школьные учебники и стал общепринятым убеждением. В лингвистике такой подход давно считается устаревшим, а новое, строгое понятие частей речи обосновал русский учёный Ф. Ф. *Фортуатов*.

Последовательно придерживаясь найденного определения частей речи, мы найдём в школьной грамматике немало противоречий. Например, слова *первый*, *пятый*, *сороковой* отнесены в учебниках к числительным, поскольку называют порядковый номер предмета. Но слова эти изменяются по родам, числам и падежам, а значит являются прилагательными. Сравним: *пятый* — *добрый*, *пятая* — *добрая*, *пятое* — *доброе*, *пятое* — *добрые*, *пятого* — *доброего*, *пятых* — *добрых* и т. д. Окончания одинаковые, формы одинаковые — перед нами слова одной части речи. И слово *один* — хоть и называет число — не числительное, а прилагательное, в этом легко убедиться. Да и странно как-то считать числительным такую, например, форму, как *одни*. *Одни* — это множественное число, а значение слова — ‘число предметов равно единице’. Не может же что-то быть сразу и одно, и много! А слова *тысяча* и *миллион* — существительные, так как изменяются по числам и падежам, и это не мешает им называть число и отвечать на вопрос «сколько?».

Но самое большое недоразумение, появившееся в результате выделения частей речи по значению, — это ... лишняя часть речи! Что объединяет слова ты, они, кто, сколько, где, некий, когда, так? У них особое значение, точнее, этого значения у них как бы нет. Они — это и люди, и друзья, и коты, и леса, и мосты, и вирусы. Сколько может быть и пять, и десять, и ноль. Так — это и весело, и грустно, и быстро, и противно. Каждое из этих слов может заменять в предложении другие слова, причём по определённым правилам. Так не заменит слово *весёлый*, а сколько — слово человек. Ведь тогда разрушилось бы предложение: эти слова по-разному изменяются и не могут занимать в предложении одно и то же место. Заменять можно только слова, которые изменяются так же, имеют ту же парадигму, иначе говоря, слова той же части речи. Они и что могут заменять существительные, какое и некий — прилагательные, сколько — числительные и т. д. Подобные слова с «пустым» значением называют *местоимениями*. Особенность значения у них общая, а грамматически они все разные, как и положено словам разных частей речи. Есть местоименные прилагательные, местоименные числительные, местоименные наречия. А говорить о том, что местоимения — отдельная часть речи, конечно, не приходится. Местоимения — явление лексики, а не грамматики (хотя некоторые интересные грамматические особенности у них есть, например число у личных местоимений, о котором говорилось выше).

*

*

*

Итак, мы увидели, что грамматика языка — особый мир, мир отношений, не зависящий прямо от значений конкретных слов. Что включать в грамматику, а что нет, в каждом языке решается по-своему, но общие черты всех грамматик — строгость, обязательность и выражение связей между словами. Красота грамматики — это красота холодной логики и строгой системности.

Мы ещё раз убедились, что любое утверждение, которое мы делаем о единицах языка или

их свойствах, должно быть доказано. Аргументы типа «так принято считать», или «так написано в учебнике», или даже «так сказали древние греки» к достоверным результатам не приведут. Но и строгий, научный подход не может сделать грамматику абсолютно прозрачной. Наоборот, чем точнее выбран угол зрения, тем больше тайн в ней обнаруживается. А значит, появляется больше возможностей эти тайны раскрыть.

Энциклопедия для детей. Аванта+. Языкознание: Русский язык // <http://www.avanta.ru/index.asp?Kod=178&mode=5&Show=184#Viderzhki>

ЯЗЫК И ЮМОР

Кто только не пытался дать определение юмору! До нас дошли размышления Аристотеля – но, возможно, у него были неизвестные нам предшественники. О природе юмора писали крупнейшие мыслители: И.Кант, Г.Ф.Гегель, А. Шопенгауэр, З.Фрейд, М.Бахтин. Но многие тайны смеха и по сей день остаются тайнами.

И первая из них: чему мы смеемся? Трехнедельный крошка, глядя в потолок и размахивая ручками, время от времени начинает смеяться чему-то своему... Чему? Это великая тайна природы. Через несколько месяцев он будет смеяться над мамой, которая замотала голову полотенцем, и над папой, меняющим перегоревшую лампочку. Они ведут себя необычно – значит, смешно! Пройдет еще несколько лет и малыш будет хохотать до упаду над простенькими шутками: *А собачка и говорит: «Кукареку!»* или *У нашего Пети девять ножек и три ушка, а носик потерялся*. Путаницы и перевертыши вроде фольклорного *«Ехал Федя на медведе, а Фома на курице»*, стихов Чуковского и Маршака, имеют успех у всех детей этого возраста, нелепо – значит смешно.

Десять лет спустя подросток прочтет у Ильфа и Петрова бессмертное *«Ваше политическое кредо? - Всегда!»*, у Марка Твена – *«Слухи о моей смерти оказались сильно преувеличены»* у Ярослава Гашека *“Я не майор, я свинья!”*. Это сказано так необычно, так неожиданно – это очень смешно!

Итак, чтобы было смешно, должно происходить что-то необычное, а значит - существовать представление о нормальном, обычном положении вещей. Смешон ли приговоренный к пожизненному заключению узник, ковыряющий стену ложкой, чтобы сбежать из темницы? Вряд ли. А если его посадили на пятнадцать суток да стена толщиной в три метра?.. Человек поскользнулся на льду и упал – его спутники скорее бросятся ему помочь, чем станут смеяться. А если он перед этим полчаса объяснял им, как нужно ходить в гололед, чтобы не упасть? Нам смешно не действие или событие само по себе, а его несоответствие заданной ситуации, распределенным ролям. Взрослые улыбаются, когда малыш говорит: *«Вот что меня беспокоит в последнее время: у машинки колесо сломалось»*. Смешно, когда участникам ситуации их роли видятся по-разному: как в «Ревизоре» Гоголя или в фильме «Иван Васильевич меняет профессию».

Смешно звучит речь, стиль которой не соответствует теме и предмету разговора: — *Волчица ты, — продолжал Лоханкин в том же тягучем тоне. — Тебя я презираю. К любовнику уходишь от меня. К Птибурдукову от меня уходишь. К ничтожному Птибурдукову нынче ты, мерзкая уходишь от меня. Так вот к кому ты от меня уходишь!*

двое в Лондоне. Один спрашивает: «How much time?» - «Time five». - «Such much?» - «Whom how». - «Ты что, тоже в МГУ учился?» Эта шутка рассчитана на тех, кто знает, что по-английски так сказать невозможно, и кому хорошо знакомы типичные ошибки русского двоечника. Тот, кто английского не знает, или не говорящий по-русски англичанин останется в недоумении: что здесь смешного?

Неожиданность может создаваться по-разному - язык предоставляет нам богатейший набор средств для создания смешного. Одни из вариантов - нарушение логики: «Эй вы трое, оба ко мне! Как фамилия?» - «Иванов!» - «Петров!» - «Сидоров!» - «Братья, что ли?» - «Однофамильцы, товарищ генерал!» Предельный случай таких логических нарушений - популярные некогда «абстрактные» анекдоты: *Летят два крокодила, один нарисованный, а другой на восток.*

Очень часто в шутках обыгрывается то, что современная лингвистика называет *пресуппозициями* (См. статью «Лингвистика сегодня и завтра»). В каждой фразе кроме высказанного смысла есть подразумеваемый. Если у собеседников эти подразумеваемые смыслы расходятся, диалог звучит комично:

Как-то за обедом Екатерина II предложила тост за здоровье честных людей. Все подняли бокалы, лишь граф Разумовский не дотронулся до своего. Екатерина заметила это и спросила его, почему он не хочет пожелать здоровья честным людям. - Боюсь, мор будет, государыня, - ответил Разумовский.

Любое общество (даже общество жуликов) между собой всегда играет в игру «мы с вами - честные люди». Это подразумевалось и в тосте императрицы. Разумовский, поставив это невысказанное утверждение под сомнение, выявил фальшь ситуации и сделал ее комичной. На обыгрывании пресуппозиции строится и шутка из романа Я. Гашека, когда в трактире, где все боятся сказать лишнее слово из-за агентов тайной полиции, происходит такой диалог: *Вчера у нас было двое похорон, - переводил разговор на другое церковный сторож. - Видать, помер кто-нибудь! - заметил другой посетитель.*

Но конечно, самое главное «юмористическое богатство» языка - это многозначность слов и выражений. Намеренное использование многозначности для создания игры смыслов называют *каламбуром* (франц. *calembour*). Каламбур - один из самых известных видов языковой игры.

На этом построено множество анекдотов и шуток, например, двестишние И. Крылова:

<i>Ест</i>	<i>Федька</i>	<i>с</i>	<i>водкой</i>	<i>редьку,</i>
<i>Ест</i>	<i>водка</i>	<i>с</i>	<i>редькой</i>	<i>Федьку.</i>

или такой исторический анекдот:

Как-то Николай II решил подиутить над генералом Драгомировым: - Михаила Иванович, отчего нос у вас подозрительно красный? При всей свите Драгомиров гордо ответил: - А это потому, Ваше Величество, что на старости лет мне от всяких глупых ценков приходится получать щелчки по носу.

Генерал применил прием разрушения идиомы, «разобрав» его на отдельные слова и вернувшись к их обычному смыслу. Похоже построены и шутки типа *Кто обжегся на молоке, дует водку.*

Многие дети знают каламбуры поэта Якова Козловского:

*Сев в такси, спросила такса:
“За проезд какая такса?”
А водитель: “Денег с такс
Не берем совсем. Вот так-с!”*

Обыгрываться может и созвучие слов: Девочка приходит из детского сада в слезах: *Воспитательница страшная, нас пугает, все время говорит: «Съест КПСС, съест КПСС!»*. Каламбуры и Кот Матроскин, когда вместо того, чтобы сказать “*Фиг вам!*” рисует вигвам. Каламбуры часто возникают в речи спонтанно: – *Ну, как твой новый друг, летчик? – Улетный!* или – *Как ананас? – Не она нас, а мы его! И с аппетитом!*

Другой вид каламбура – “склеивание” слова из кусочков: *грезидиум* (из грезить + президиум), *выдвиженщина* (из выдвиженец + женщина, да еще на заднем плане деревенщина) (И.Ильф). Шутки такого рода требуют не только чувства юмора, но и чувства языка.

Известно, что почти каждое слово может менять свое значение в зависимости от контекста. Шутка может строиться на искусном создании такого контекста, чтобы слово приобрело нужное значение:

Журналиста привлекли к суду за то, что он назвал влиятельную в городе даму, баронессу, свиньей. Судья приговорил его к штрафу и предупредил, что если оскорбление повторится, приговор будет более суровым. Журналист спрашивает: Значит ли это, господин судья, что я не могу больше называть баронессу свиньей? - Не можете. - А могу ли я назвать свинью баронессой? Судья задумывается, потом отвечает, что это странно, но ничего незаконного в этом нет. Тогда журналист поворачивается к баронессе и говорит: Привет, баронесса!

Вошли в историю шутки этого типа, принадлежащие Гете и Марку Твену.

Гете, прогуливаясь в парке, встретился на дорожке со своим знакомым. — Я никогда не уступаю дороги идиотам! — заявил тот. — А я всегда, — ответил Гете и отступил в сторону.

Марк Твен получил анонимное письмо, состоящее из одного слова “Свинья”. На следующий день он опубликовал это письмо в газете с таким комментарием: «Я много раз получал письма без подписи, но впервые — подпись без письма»

Есть и шутки, прямо связанные с теми или иными языковыми явлениями, такой, например, анекдот: *Как отличить зайца от зайчихи? - Пусть на землю: если побежал — значит, заяц, если побежала — значит, зайчиха.* Шутка из телевизионной передачи: *Худые это хорошо. Их можно в больнице по четыре штуки на одну койку ложить. — Наверное, все-таки «класть»?* - *В больницу, милочка, не кладутся, а ложатся!* Обыгрывать можно синтаксис: *Шел дождь и два студента; один — в галошах, а другой — в университет.*

Можно сказать, что нет в языке ничего, что не могло быть обыграно и использовано для шутки.

УСМЕШКА

И

НАСМЕШКА

Над одной шуткой хохочут во все горло, другая вызывает лишь тонкую усмешку. Это не значит, что первая лучше второй. Смех бывает очень разным, и за ним могут стоять самые разные чувства – от веселья до презрения.

Бывает, что речь пронизана юмором, но вызывает он именно улыбку, а не хохот: «*Крис посмотрел на меня с видом верблюда, забывшего дорогу к ближайшему колодезю*» (Дж. Дарелл).

Иронией (греч. “*eironeia*” — “*притворство*”) называют такой прием, когда смешное скрывается под маской серьезного: *По обычаю своего времени, Святополк начал с убийства братьев, чтобы заслужить уважение народа* (Всеобщая история, обработанная Сатириконом).

Если ирония сочетает насмешку с презрением и гневом, она превращается в **сарказм** (греч. “*sarkasmos*” от “*sarkazo*” — “*рву мясо*”). Саркастична эпиграмма Д. Давыдова «*Генералам, танцующим на бале при отъезде моем на войну 1826 года*»:

<i>Мы</i>	<i>несем</i>	<i>едино</i>	<i>бремя,</i>
<i>Только</i>	<i>жеребий</i>	<i>наш</i>	<i>иной:</i>
<i>Вы</i>	<i>оставлены</i>	<i>на</i>	<i>племя,</i>
<i>Я</i>	<i>назначен</i>	<i>на</i>	<i>убой.</i>

Ирония может быть и вполне добродушной (как в «Старосветских помещиках» Гоголя) – сарказм всегда был оружием **сатиры**. Юмор смеется, сатира высмеивает.

С иронией связан и пародирующий, «передразнивающий» юмор. Он часто выбирает своим объектом то, что «навязло на зубах»: банальные истины, образы официальной пропаганды. Не случайно целые серии анекдотов связаны с образом Чапаева – одного из самых «раскрученных» советских героев, и мальчика Вовочки, напоминающего о детских рассказах из серии «Когда был Ленин маленьким...». Особенно часто пародируются герои популярных фильмов: поручик Ржевский, контрастирующий с романтическим образом гусара, или склонный к глубоким размышлениям Штирлиц: *Штирлиц посмотрел на окно явочной квартиры. Там стояли 78 утюгов. «Явка провалена» – догадался Штирлиц.*

Социально значимый, политический юмор тоже близок к сатире. Вот один из ярких анекдотов «эпохи застоя»:

Русский – американцу: Ну, чем у вас жизнь лучше? Американец: - Я могу, например, подойти к Белому дому и крикнуть: «Президент США – старый идиот!». И мне ничего не будет. Русский: - Подумаешь! Я тоже могу выйти на Красную площадь и крикнуть: «Президент США – старый идиот!» - и мне ничего не будет.

Впрочем, любой юмор, прямо не санкционированный властью, так или иначе работал против нее. Даже «абстрактный»: он как бы создавал пространство, свободное от (повсеместной в те времена) идеологии:

<i>По</i>	<i>реке</i>	<i>плывет</i>	<i>корова,</i>
<i>Та</i>	<i>корова</i>	<i>в</i>	<i>пиджаке...</i>

А *кому* *какое* *дело,*
Чей *пиджак* *она* *надела?*

Расцвет абстрактного юмора часто бывает связан с особым периодом в жизни общества, когда смещаются все ценности, меняют смысл слова, нормой становится ложь и языковое манипулирование (см. статью «Язык и власть»). В таком «перевернутом» мире абсурд, как ни странно, становится заповедником здравого смысла, способом обрести почву под ногами. В 30-е годы в Советской России существовало общество ОБЭРИУТов. В него входили поэты-мастера абсурдного юмора: Н. Олейников, Д. Хармс, А. Введенский. И хотя сами они были уверены, что занимаются только литературным экспериментированием, бдительное НКВД считало иначе...

Еще одно порождение периодов абсурда в жизни общества - черный юмор, прежде всего популярные среди школьников «страшилки»:

Дети *в* *подвале* *играли* *в* *гестапо:*
Зверски *замучен* *сантехник* *Потапов.*

В них человеческая жизнь не имеет никакой цены, взрослые губят детей советами, а дети весело взрывают целые школы и уничтожают деревни. При этом лучшие из «страшилок» действительно очень смешны. Юмор этого типа очень мало исследован и ученым еще предстоит ответить на вопрос, почему он так нужен детям, что во взрослом мире кажется им так прочно связанным с образом смерти.

* * *

Способность мыслить, которая отличает людей от животных неразрывно связана с даром слова и даром юмора: язык позволяет мысль облекать в форму и передавать другим, а юмор дарит свободу посмотреть на ситуацию и самого себя со стороны. Не случайно одно из определений человека — “животное, которое смеется”.

Энциклопедия для детей.Аванта+. Языкознание: Русский язык // <http://www.avanta.ru/index.asp?Kod=178&mode=5&Show=184#Viderzhki>